

УДК 316.4;316.6

UDC 316.4;316.6

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ
РОЛИ СОЦИАЛЬНОГО
ОПТИМИЗМА В КОНТЕКСТЕ
РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ
И СОЦИУМА В СОВРЕМЕННЫХ
УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО
ОБЩЕСТВА**

**METHODOLOGICAL BASES
OF STUDYING THE ROLE
OF SOCIAL OPTIMISM
IN THE CONTEXT OF PERSONALITY
AND SOCIETY DEVELOPMENT
IN THE MODERN CONDITIONS
OF INFORMATION
SOCIETY**

Л. П. Галич,
*кандидат социологических наук,
доцент кафедры социально-
гуманитарных дисциплин Белорусского
государственного педагогического
университета имени Максима Танка*

L. Galich,
*PhD in Sociology, Associate
Professor of the Department
of Social-Humanitarian Disciplines,
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank*

Поступила в редакцию 31.01.23.

Received on 31.01.23.

Данная статья посвящена рассмотрению вопроса влияния социального оптимизма на оптимальное развитие личности и общества в современных условиях информационного общества. В ней представлена степень научной разработанности проблемы в междисциплинарном срезе с точки зрения философского, психологического и социологического подходов. Выявлена специфика социологической интерпретации социального оптимизма, в рамках которой определены и описаны основные модули изучаемого явления – мотивационный, ценностно-инструментальный, прогностический и ресурсный. Обоснована позиция их взаимообусловленности, позволяющая преодолеть фрагментарный подход в изучении категории социального оптимизма.

Ключевые слова: оптимизм, социальный оптимизм, развитие личности, ресурсный подход, удовлетворенность жизнью, жизненное благополучие, перспективы развития, копинг-ресурсы.

The article is devoted to considering the question of social optimism impact on optimal development of personality and society in the modern conditions of information society. It presents the degree of scientific development of the problem in interdisciplinary context from the point of view of philosophical, psychological and sociological approaches. Within the framework of specificity of sociological interpretation of social optimism, the main modules of the phenomenon are defined and described – motivational, value-instrumental, prognostic and resource ones. The position of their interdependence which allows to overcome the fragmentary approach in studying the category of social optimism.

Keywords: optimism, social optimism, personality development, resource approach, satisfaction with life, life well-being, prospects of development, coping-resources.

Данная публикация, посвященная проблематике социального оптимизма как источника индивидуального и общественного развития, является логическим продолжением серии статей по проблеме социального самочувствия молодежи в современном цифровом обществе, подготовленных при финансовой поддержке Министерства образования Республики Беларусь в рамках проекта НИР «Специфика, перспективы и социальные последствия распространения цифровых практик в молодежной среде в процессе развития информационного общества в Республике Беларусь» по ГПНИ на 2021–2025 гг. В предыдущих статьях была представлена позиция автора, в рамках ко-

торой рассматривался личностный ресурс как детерминант социального самочувствия [1], а также роль личностных и средовых факторов в формировании позитивного самочувствия [2]. В рамках авторской программы социологического исследования по представленной выше теме были поставлены исследовательские задачи, одна из которых состояла в определении влияния уровня социального оптимизма молодежи на субъективное восприятие собственного статуса в обществе, видение перспектив его развития в социальном контексте, а также изучение перспектив развития самого социума в общественном мнении молодежи (на примере студентов БГПУ). Методика измерения

и эмпирический анализ феномена социального оптимизма является второй частью данного исследования и будет представлена позже. Обратимся же изначально к теоретическому разбору рассматриваемой социологической категории.

Постановка проблемы

Казалось бы, в настоящее время нет места для оптимизма и совсем неуместно говорить о социальном оптимизме, учитывая происходящие события – военные конфликты, расширяющееся санкционирование, иные угрозы, связанные с дальнейшим развитием информационного общества и вызовов цифровизации, расшатывающие состояние общества и личности, дающие основания для всеобщего пессимизма. Описывая образ современного информационного общества, Е. В. Петрова зафиксировала сгущение красок над, казалось бы, безоблачным небом цифровизации, используя при этом такие его характеристики, как «зловещая долина», «усталость от Zoom», информационное загрязнение, информационный кокон. Рассуждая о трансформации представлений, сложившихся в отношении информационного общества, российский социолог писала: «В определениях и оценках информационного общества, предложенных философами и социологами в 80–90-х гг. прошлого века, подчеркивались его достаточно оптимистичные для общества технологические характеристики. Спустя три десятилетия в рассуждениях о влиянии этих характеристик на повседневную жизнь стали превалировать негативные оценки современного «информационного ландшафта» [3, с. 26]. Именно поэтому «технологический оптимизм» замещается «гуманитарным пессимизмом», что приводит к смещению акцента с технологических достижений на невыясненное до конца, а следовательно, неоднозначное воздействие информационных технологий на человека, на его сознание и психоэмоциональное состояние, на его ценностное мировоззрение и когнитивные способности. Однако, несмотря на иронию в отношении восприятия будущего, выраженную в следующей фразе: «Пророчествовать чрезвычайно трудно – особенно в отношении будущего», социология в лице ее родоначальника Огюста Конта призывает нас придерживаться известного принципа: «Знать, чтобы предвидеть, а предвидеть, чтобы регулировать».

Позиция оптимизма в отношении информационного общества и его дальнейшего развития заключается в том, что, с одной стороны, происходит интеграция мирового сообщества, и рассматривается как позитивная глобальная ценность с точки зрения единства мирового сообщества. Цифровой пессимизм основан же на обратной идее, связанной с тотальной разобщенностью и дифференциацией людей на основании различного доступа к технологической составляющей нашей жизни у различных групп, цифровых компетенций и грамотности, также дифференцирующих общество, различий в ценностях и нормах в отношении собственных виртуальных практик людей, поддерживающихся благодаря информационно-коммуникативным технологиям. Именно «пессимистичная перспектива» как основа мировоззрения личности способна породить то, что в интерпретации Элвина Тоффлера звучит как «шок будущего», т. е. болезнь перемен, которой, по его мнению, «уже страдает возрастающее число людей» [4]. Невзирая на надежды, которые возлагаются на развитие науки, техники и новых технологий, подлинный оптимизм зиждется на возможности прогресса на личностном, групповом и общественном уровнях, и определяется он степенью ответственности и сознания, морали и поведением людей.

В научной статье, подготовленной доктором психологических наук, профессором РАН Т. А. Нестиком, имеющей показательное название в контексте данной публикации «Образ будущего, социальный оптимизм и долгосрочная ориентация россиян: социально-психологический анализ», автор определяет ряд факторов, рожденных новым цифровым состоянием общества, приведших к формированию у людей пессимистичного образа не только в отношении настоящего, но и будущего. Рассматривая антропологию будущего, Т. А. Нестик пишет: «Переход к экономике интернет-платформ подстегнул наблюдавшийся на протяжении 2000-х годов рост численности прекариата, то есть людей, не имеющих стабильной и полной трудовой занятости. Осознание людьми своей незащитности перед будущим, воспроизводство и рост неравенства, а также новые его виды, связанные с цифровой трансформацией, диспропорциями в культурном и пространственном развитии, пандемиями, а также изменением климата, в ближайшие годы будут усиливать поляри-

зацию в представлениях о том, куда должна двигаться страна» [5, с. 6–7]. Изменение социального пространства и организации времени под влиянием цифровых технологий является дополнительным фактором, создающим диспропорции как в доступе к средствам прогнозирования будущего, так и в сфере наличия самого времени для перспективной рефлексии и рационального стратегического диалога. В заключении автор призывает к тому, что «важно помнить, что путь к решению общенациональных и глобальных проблем лежит не через алармизм, нагнетание тревоги и запреты...». Решение проблемы лежит в сфере выбора ориентации на формулирование позитивных целей, на создание основ для социального доверия, поддержку сопереживания и взаимопомощи, критического мышления, рефлексивности и долгосрочной ориентации.

Приведем неутешительную статистику ключевых слов по электронным базам журнальных публикаций, касающуюся перекося исследований в сторону «негативных» аспектов. Оказалось, что число работ о гневе и беспокойствах, о тревогах и депрессиях гораздо превышает количество публикаций о радости и счастье, об удовлетворенности жизнью и оптимизме [6, с. 41]. Как показывают международные исследования, большинство людей в развитых странах уже не верит в то, что жизнь их детей будет лучше, чем их собственная жизнь. Преобладающее число респондентов в экономически развитых странах характеризуются убежденностью,

что их жизнь не станет лучше в ближайшие пять лет. На этом фоне растет недоверие к различным социальным институтам – СМИ, банкам, государству, церкви, армии и др. Нарушаются прежние договоренности, заключенные как внутри государства, так и на межгосударственном уровне, которые должны были обеспечить постепенное улучшение качества жизни граждан, повысить их уровень жизни, жизненное благополучие в целом.

Представители позитивных направлений в социологических и психологических исследованиях, такие как Д. А. Леонтьев, М. Селигман, С. Любомирски, К. Шелдон [6], голословно заявляют о необходимости помочь понять не без участия психологического и социального знания, какого рода семейное воспитание позволяет детям расцветать, вырастать в здоровую личность, какие рабочие условия создают максимальное удовлетворение у рабочих, какая политика приводит к наиболее активному гражданскому участию и как вообще сделать жизнь людей более достойной. И сам этот познавательный процесс рассматривать не более чем научное изучение обычных человеческих сил и добродетелей.

Научная разработанность проблемы в междисциплинарном срезе

Оптимизм как психологическое и социокультурное явление является предметом исследования целого комплекса гуманитарных наук (рисунок 1).

Рисунок 1 – Операционализация категории «оптимизм» в междисциплинарном дискурсе

Интерес к осмыслению данной категории сложился в рамках философии и психологии, социологии и педагогики, культурологии и антропологии. Каждая из этих наук рассматривает различные аспекты оптимизма, что, с одной стороны, расширяет представления об этом сложном феномене, с другой – указывает на отсутствие целостной концепции оптимизма как социокультурного и психологического явления.

В философском словаре, основанном в 1912 г. Генрихом Шмидтом, оптимизм трактовался как специфическая форма восприятия жизни и как настроение, для которых характерно акцентирование в вещах и явлениях на их лучших сторонах и свойствах, предполагающая надежду на благоприятный исход и веру в непрерывный прогресс [7]. Религиозно-метафизический вариант оптимизма основан на убеждении в том, что при существующих порядках наш мир такой, каков он есть, и является лучшим из всех возможных миров, а то, что основано и подчинено разуму, – действительно разумно. Такого рода оптимизм мы находим у Платона, стоиков, рационалистов с их верой в безграничные силы рассудка и познания, в философии просветителей (Лейбница) и в философии Гегеля. В словаре указано, что бездеятельный оптимизм ведет к квиетизму, с его идеалом смиренного подчинения божественной воле, полного безразличия к собственному «спасению», на основании которого формируется безучастное, пассивное отношение к жизни. Оптимизм же, основанный на действии, приводит и нацеливает человека на активность. В полном словаре иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке, оптимизм трактуется в духе философского воззрения Лейбница, который признает наш мир лучшим из миров, как совершеннейшее творение Божества. Также оптимизм интерпретируется как жизнелюбие, вера в хорошее будущее, как склонность видеть во всем только лучшую сторону, отличие от противоположного, т. е. пессимизма, как безотрадного взгляда на жизнь, подчеркивающего повсюду царствующее зло и насилие [8]. В культурологическом формате оптимизм рассматривается как интегративное явление, имеющее социокультурную обусловленность, которое касается всех сторон социального и личностного творчества, имеющее универсальный мировоззренческий характер и являющееся одним из смысложизненных компонентов культуры общества. В данной плоскости социальный оптимизм во многом определяет духовную культуру социума, являясь эмо-

ционально-рациональной составляющей его мировоззрения.

В рамках психологического направления сложилось следующее понимание оптимизма как определенного свойства личности, отражающего пропорциональное развитие всех ее психических процессов. В данном случае оптимизм обеспечивает человеку жизнелюбивое мирозерцание, уверенность в прогрессе общества, веру в людей, их силы и возможности, а также веру в свои силы и возможности как субъекта деятельности [9]. Итак, в рамках психологии определился взгляд на оптимизм как особую черту личности. Известный представитель позитивной психологии Мартин Селигман ссылался на то, что оптимизму можно и нужно научиться, ведь его роль в сохранении здоровья, в успехе, в скором выздоровлении весьма значительна. И эта идея была положена в основу многочисленных специальных программ, разработанных М. Селигманом, для разных категорий населения, прежде всего, детей, родителей, учителей, врачей [10]. По М. Селигману, деление людей на оптимистов и пессимистов является делением чисто условным. Однако изучению двух данных типов людей М. Селигман посвятил почти четверть века и в ходе исследования пришел к выводу, что пессимистов, основная черта которых характеризуется беспомощностью, в обществе достаточно много. В своей книге «Как научиться оптимизму. Измените взгляд на мир и свою жизнь» М. Селигман отметил, что «беспомощность – состояние, при котором любые ваши действия не способны повлиять на происходящее. Человек начинает жизнь ребенком в состоянии полной беспомощности, в течение жизни степень беспомощности снижается, самоконтроль возрастает». И для того чтобы это произошло, человеку нужны определенные навыки, т. е. путем сознательного обретения новых навыков можно научить быть оптимистом.

В социологической плоскости социальный оптимизм трактуется как такая форма индивидуального и/или общественного сознания, характеризующаяся положительным восприятием индивидом, социальной группой, обществом в целом, явлений и процессов, происходящих в собственной жизни, а также на уровне социума, включая представления о направлениях их развития в ближайшей перспективе, с точки зрения интернализированных личностью, группой, обществом в целом критериев и «порога» жизненного благополучия. В рамках социологического подхода целесообразно определить несколько направлений его истолкования (рисунки 2).

Рисунок 2 – Основные векторы структурной операционализации категории «социальный оптимизм»

Первый вектор – мотивационный – указывает на наличие в оптимизме основы мотивации социальных поступков как личностного качества, детерминирующего выбор моделей поведения, ролевых позиций, механизмы формирования жизненных стратегий и траекторий, целей и средств их достижения. Если человек думает, что противоречия между его целями и текущей ситуацией или референтной ценностью будут уменьшены, он предпримет усилия для их достижения. Оптимист будет знать, как встать, столкнуться с проблемами, с которыми он сталкивается, сделать все возможное и проявить настойчивость. Вместо того чтобы игнорировать трудности, он примет реальность и сосредоточится на решении проблем, чтобы найти решения. Эти проблемы, в свою очередь, будут иметь для него меньше физических и эмоциональных последствий, чем для пессимистического человека. Если ожидание более негативное, то это приводит к уменьшению усилий и/или прекращению дальнейших попыток.

Второй вектор – ценностно-инструментальный – предполагает понимание оптимизма с точки зрения инструментальной ценности на личном и общественном уровнях. В этом смысле, по мнению российского социолога Ш. Х. Боташевой, оптимизм лежит в основе определения целенаправленности, ценностной избирательности жизненных отношений в социальной реальности, который обеспечивает преобразовательную деятельность личности [11]. Третий вектор – прогностический – связан с акцен-

том на благоприятный прогноз возможности реализации индивидом своих потребностей в рамках общества. Прогностический вектор оптимизма основан на вере в достижение успеха в будущем. Четвертый вектор – ресурсный – рассматривающий оптимизм на уровне составляющей психологического капитала или личностного потенциала, который представляет собой создание положительной установки, стремления следовать к успеху в настоящем и в будущем. Ресурсный подход в сочетании с телелогическим (название данного подхода происходит от слова *telos* – цель; оперирует такими понятиями, как «целенаправленность», «целесообразность») указывает на тот факт, что в уме у каждого из нас существует концепция цели или идеала, которая заставляет добиваться большего, чем доступно в данной актуальной ситуации; приводит к тому, чтобы мобилизовать свой потенциал, личностные ресурсы на преодоление имеющихся недостатков, затрудняющих достижение цели, и трудностей, руководствуясь четкой целью в будущем. Именно благодаря этой четкой цели личность оказывается в состоянии находить в себе дополнительные ресурсы, опираясь на представление о будущем успехе, т. е. рассчитывая на позитивный исход событий. С этой точки зрения, сталкиваясь с проблемами, оптимистичный человек разрабатывает «стратегии преодоления», в то время как пессимист принимает более пассивный и фаталистический подход. В частности, оптимисты будут использовать ресурсные стратегии («актив-

ное» совладание, вовлечение), в то время как пессимисты будут более склонны применять «избегающие» стратегии (т. е. избегание, отрицание, фатализм, покорность).

Данные векторы социального оптимизма связаны друг с другом в том смысле, что необходимость удовлетворения потребностей является ведущим мотивом активности человека, в которой социальный оптимизм как вера в прогрессивный характер развития общества ориентирует индивида на преобразование социальной действительности. С учетом этого, С. А. Ильиных и А. С. Мельникова писали о том, что «социальный оптимизм может трактоваться как социально-психологический фактор трансформации социальной реальности. Таким образом, следует говорить о взаимообусловленности социального оптимизма и действий индивида, в том числе таких, которые можно идентифицировать как проявления социальной активности» [12, с. 42]. По мнению авторского коллектива, социальный оптимизм как вера в собственные силы и возможности затрагивает такие важнейшие стороны человеческой жизни, как: 1) реализацию субъектной позиции в отношении своей жизни и жизни общества; 2) удовлетворение своих потребностей; 3) убежденность в прогрессивном характере развития общества; 4) надежду на лучшее будущее.

Комбинированное сочетание четырех выделенных сторон оптимизма – мотивационной, инструментально-ценностной, прогностической и ресурсной – приводит нас к преодолению фрагментарного характера истолкования данного понятия в социологии и, следовательно, к формированию комплексной его теоретизации с возможностями дальнейшего его изучения на эмпирическом уровне. Какой из этих подходов является более верным или определяющим оптимизм? Вопрос, вероятно, не корректный. Все они верны, взаимодополняют и обогащают феномен социального оптимизма. Скажем, ресурсный подход связывает оптимизм с идеями жизнеспособности и жизнестойкости личности, ориентирует на понимание оптимизма как необходимого, с одной стороны, хотя и затратного ресурса жизнеспособности личности, как копинг-ресурс личности, позволяющий ей успешно преодолевать жизненные трудности на пути к жизненному успеху. В российской социологии чаще всего жизнестойкость рассматривается в контексте лич-

ностного потенциала, схожего по своим характеристикам с личностным копинг-ресурсом. Обращение к проблематике копинга как индивидуального модуса взаимодействия личности с трудными жизненными ситуациями произошло во второй половине XX в. Термин «копинг» происходит от английского слова to cope и переводится как «совладать», «преодолевать», был предложен А. Маслоу [13].

Таким образом, социальный оптимизм понимается как когнитивная переменная, состоящая из общей уверенности в получении положительных результатов деятельности, причем эта уверенность основана на рациональной оценке вероятности успеха человека и уверенности в его личной эффективности. Подобная склонность к оптимизму, основанная на общих позитивных ожиданиях человека, влияет на тот способ, каким он регулирует свои действия перед лицом трудностей или стрессовых ситуаций. Не боясь впасть в тавтологию, важно отметить, что социальный оптимизм «оптимален» как для позитивного личностного развития, так и для системного устойчивого развития социума. В социальном оптимизме весьма велика роль его влияния на процесс формирования социальных установок, а учитывая, что в современных общественных условиях воздействие на оптимизм социальной его составляющей возрастает, подобное влияние может привести как к позитивным, так и негативным траекториям развития личности. Основываясь на диалектической взаимосвязи «личного», «коллективного», «общественного», а также на том, что состояние и функционирование оптимизма и пессимизма свойственно личности, коллективу и обществу, важно отметить, что индивидуальный, групповой и социальный оптимизм взаимообуславливают друг друга. Учитывая непредсказуемость событий, происходящих на глобальном уровне, время, которое мы переживаем, возникает огромная потребность в социальном оптимизме как вере, надежде и позитивных ожиданиях будущего. Являясь ведущим мотивом к активным и целенаправленным действиям, социальный оптимизм как неэкономический фактор личностного и общественного развития проявляется в уверенности людей в прогрессивной перспективе этого развития, сопряженной с деятельностной верой в то, что будут созданы благоприятные условия для реализации человеческого потенциала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галич, Л. П. Личностный ресурс как детерминант социального самочувствия студенческой молодежи (на примере студентов БГПУ) / Л. П. Галич // Весті БДПУ. Сер. 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2021. – № 3. – С. 43–47.
2. Галич, Л. П. Роль личностных и средовых факторов в формировании социального самочувствия студенческой молодежи / Л. П. Галич // Весті БДПУ. Сер. 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2022. – № 3. – С. 29–35.
3. Петрова, Е. В. Образ информационного общества в культуре: оптимизм сменяется пессимизмом / Е. В. Петрова // Вопросы философии. – № 8. – 2021. – С. 25–35.
4. Тoffлер, Э. Шок будущего / Э. Тoffлер. – 2002. – С. 557.
5. Нестик, Т. А. Образ будущего, социальный оптимизм и долгосрочная ориентация россиян: социально-психологический анализ / Т. А. Нестик // Социодиггер. – 2021. – № 9. – С. 6–48.
6. Леонтьев, Д. А. Позитивная психология – повестка для нового столетия / Д. А. Леонтьев // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – Т. 9, № 4. – С. 36–58.
7. Философский словарь. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.harc.ru/slovar/1499.html>. – Дата доступа: 20.01.2023.
8. Попов, М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке / М. Попов. – М.: Попов, 1907.
9. Головин, С. Ю. Словарь практического психолога. – С. Ю. Головин. – М., 1998.
10. Kanasz, T. Роль надежды и оптимизма в современной культуре / Т. Kanasz // Человек и культура. – 2013. – № 5. – С. 47–69.
11. Боташева, Ш. Х. Роль социального оптимизма в изменении социальной стратификации общества // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17256/>. – Дата доступа: 27.01.2023.
12. Ильиных, С. А. Социальный оптимизм и социальная активность молодежи: точки пересечения / С. А. Ильиных, А. С. Мельникова // Общество: социология, психология, педагогика. – 2021. – № 12. – С. 40–45.
13. Суховей, А. В. Копинг-ресурсы и копинг-стратегии как единая система воздействия в поведении личности / А. В. Суховей, С. В. Коваленко, Е. Н. Носов // Проблемы современного педагогического образования – 2018. – С. 363–368.

REFERENCES

1. Galich, L. P. Lichnostnyj resurs kak determinant social'nogo samochuvstviya studencheskoj molodezhi (na primere studentov BGPU) / L. P. Galich // Vesci BDPU. Ser. 2, Gistoryya. Filasofiya. Palitalogiya. Sacyyalogiya. Ekanomika. Kul'turalogiya. – 2021. – № 3. – S. 43–47.
2. Galich, L. P. Rol' lichnostnyh i sredovyh faktorov v formirovanii social'nogo samochuvstviya studencheskoj molodezhi / L. P. Galich // Vesci BDPU. Ser. 2, Gistoryya. Filasofiya. Palitalogiya. Sacyyalogiya. Ekanomika. Kul'turalogiya. – 2022. – № 3. – S. 29–35.
3. Petrova, E. V. Obraz informacionnogo obshchestva v kul'ture: optimizm smenyaetsya pessimizmom / E. V. Petrova // Voprosy filosofii. – № 8. – 2021. – S. 25–35.
4. Toffler, E. Shok budushchego / E. Toffler. – 2002. – S. 557.
5. Nestik, T. A. Obraz budushchego, social'nyj optimizm i dolgosrochnaya orientaciya rossiyan: social'no-psihiologicheskij analiz / T. A. Nestik // Sociodigger. – 2021. – № 9. – S. 6–48.
6. Leont'ev, D. A. Pozitivnaya psihologiya – povestka dlya novogo stoletiya / D. A. Leont'ev // Psihologiya. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki. – 2012. – T. 9, № 4. – S. 36–58.
7. Filosofskij slovar'. – Elektronnyj resurs. – Rezhim dostupa: <http://www.harc.ru/slovar/1499.html>. – Data dostupa: 20.01.2023.
8. Popov, M. Polnyj slovar' inostrannyj slov, voshedshih v upotreblenie v russkom yazyke / M. Popov. – M.: Popov, 1907.
9. Golovin, S. Yu. Slovar' prakticheskogo psihologa. – S. Yu. Golovin. – M., 1998.
10. Kanasz, T. Rol' nadezhdy i optimizma v sovremennoj kul'ture / T. Kanasz // Chelovek i kul'tura. – 2013. – № 5. – S. 47–69.
11. Botasheva, Sh. H. Rol' social'nogo optimizma v izmenenii social'noj stratifikacii obshchestva // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2015. – № 1-1. – Elektronnyj resurs. – Rezhim dostupa: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17256/>. – Data dostupa: 27.01.2023.
12. Il'inyh, S. A. Social'nyj optimizm i social'naya aktivnost' molodezhi: tochki peresecheniya / S. A. Il'inyh, A. S. Mel'nikova // Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika. – 2021. – № 12. – S. 40–45.
13. Suhovej, A. V. Koping-resursy i koping-strategii kak edinaya sistema vozdeystviya v povedenii lichnosti / A. V. Suhovej, S. V. Kovalenko, E. N. Nosov // Problemy sovremennoego pedagogicheskogo obrazovaniya – 2018. – S. 363–368.